

Когда они увидели гостевые комнаты, на лицах у всех промелькнуло недоумение.

Изначально они полагали, что в подобном месте главное — чтобы комнаты не были грязными или запущенными, а обычное, пусть и простенькое жилье, сойдет. Однако Тан Яньцин привел их в номера, которые оказались чистыми, ухоженными и обставленными со вкусом.

— Мы будем здесь жить? — неуверенно спросила Лу Лин.

В каждом номере было по две спальни, и выглядело все более чем достойно. Тан Яньцин слегка улыбнулся и мягко ответил:

— Да, каждый Путешественник будет жить в таких комнатах. Слуги будут следить за порядком, так что не беспокойтесь. В одной комнате селятся по двое, распределяйтесь как хотите.

Их было ровно шестеро — трое мужчин и три женщины. Это означало, что одному мужчине и одной женщине придется делить номер, но, к удивлению всех, об этом не пришлось даже волноваться.

Тан Яньцин повернулся к Линь Цинъюю, который все это время хранил молчание:

— Вы — тот самый гость, о котором госпожа просила позаботиться особо. Ваше жилье находится в другом месте, прошу, следуйте за мной.

Сказав это, он собрался увести его. Один из мужчин внезапно окликнул его:

— А что будет, если в комнате останется только один человек?

Тан Яньцин остановился и, обернувшись, вежливо улыбнулся:

— Этого наверняка никто не знает. Если соблюдать правила, обычно ничего не случается.

Ответ прозвучал двусмысленно. Для самого Тан Яньцина, может, ничего и не случится, но кто знает, какие еще твари обитают в этом замке? Линь Цинъюй бросил взгляд на остальных, которые уже начали выбирать себе соседей, усмехнулся и пошел вслед за Тан Яньцином. Конечно, в такой ситуации безопаснее держаться вдвоем, никто не хотел оставаться в одиночку. Но кто же в итоге окажется лишним? Если получится, ему было бы интересно досмотреть это представление до конца.

Они дошли до комнаты, которая выглядела почти так же, как и остальные, только была рассчитана на одного человека. В тот момент, когда Тан Яньцин открыл дверь и, повернувшись спиной, шагнул внутрь, Линь Цинъюй внезапно выбросил вперед кулак, целясь в него.

Тан Яньцин, словно имея глаза на затылке, даже не обернулся — он просто отступил в сторону, перехватил запястье нападавшего и рывком притянул его к себе.

— Малыш, почему каждая наша встреча начинается с драки?

Убедившись, кто перед ним, Линь Цинъюй попытался вырвать руку, но пальцы Тан Яньцина, словно стальные тиски, не разжимались. Понимая, что силы неравны, он не стал упрямиться, лишь моргнул:

— Брат, ты тоже Перерожденный? Как же ты стал слугой?

Он снова принял вид наивного юноши, не познавшего жизни, но Тан Яньцин, знавший его истинную натуру, на эту уловку не купился и хватку не ослабил.

— Не пытайся меня прощупать. Я не знаю, каковы условия активации, и уж тем более не собираюсь рассказывать тебе ничего об этом замке. Оставь надежду.

— Брат, как ты можешь так обо мне думать? Я просто увидел знакомого человека и решил расспросить, — Линь Цинъюй слегка потряс пойманной рукой. — Брат, ты мне больно делаешь.

Тан Яньцин помедлил несколько секунд, прежде чем отпустить его. Вспомнив о чем-то, он добавил в голос капельку веселья:

— Малыш, откуда у тебя эта роза?

С того самого момента, как эта группа появилась у ворот замка, Тан Яньцин наблюдал за ними из окна второго этажа. И дело было даже не в том, что Линь Цинъюй мог просто сорвать цветок — Ианна была помешана на розах, и если бы она узнала, что цветок из ее сада был сорван, она пришла бы в ярость. Была и другая вероятность, но он гнал ее прочь: трудно представить, чтобы человеку так не повезло, что из всех возможных предметов он вытянул именно цветок.

Линь Цинъюй не знал, что его действия были замечены, и лишь слегка улыбнулся:

— В цветнике сорвал.

— Хм, вот как?

Тан Яньцин с трудом сдержал смех. Убедившись в своей догадке, он даже испытал некое подобие жалости. А в его Стримере тем временем чат утопал в злорадных комментариях.

Ха-ха-ха, это, наверное, выпало при розыгрыше.

Вот не повезло, это же тот самый новичок, который активировал все подсказки? Вытянуть розу из кучи полезных вещей — это надо уметь.

Вот это и есть настоящее полагаться только на себя.

Линь Цинъюй не знал, что идет трансляция, и хотя сам не считал розу чем-то плохим, перед Тан Яньцином ему стало неловко. Поэтому правду он не сказал. Однако странная реакция собеседника заставила его заподозрить, что тот обо всем догадался. Линь Цинъюй только хотел прощупать почву, как Тан Яньцин объявил, что уходит.

— Малыш, моя комната напротив. Если станет совсем страшно, можешь прийти ко мне.

Он наблюдал, как Тан Яньцин вошел в свою комнату. Ему показалось, что обстановка внутри выглядит как-то странно, хотя он и не мог сказать, что именно не так.

Пробили часы, стрелки указали на полночь. Вспомнив совет Тан Яньцина, Линь Цинъюй запер дверь. Едва он лег в постель, как снаружи раздался тихий стук, и послышался знакомый голос:

— Малыш, я тут принес тебе поесть, не хочешь перекусить?

Линь Цинъюй сел на кровати и посмотрел на дверь, на его лице застыло ленивое и насмешливое выражение:

— Брат, я не голоден.

Человек за дверью не сдавался и продолжал мягким голосом:

— Не спеши отказываться, попробуй хотя бы кусочек.

— Ц.

Линь Цинъюй нетерпеливо цыкнул. Тот, кто стоял снаружи, явно не был Тан Яньцином. Тан Яньцин, конечно, был человеком мягким, но не настолько, чтобы проявлять такую заботу. Интересно, как эта тварь додумалась принять такой облик, чтобы его обмануть? Он даже не шелохнулся и, вспомнив, что точно запер дверь, ответил:

— Эй, ты... сущность, или кто ты там. Если уж пытаешься кого-то изображать, делай это правдоподобнее. Неужели призраки теперь настолько не стараются?

За дверью наступила тишина, но затем голос, уже с ноткой отчаяния, снова подал признаки

жизни:

— Малыш, что ты такое говоришь? Открой дверь...

Поскольку замок был в западном стиле, в дверях не было предусмотрено глазка. В такой ситуации полагаться на слух — не лучший способ проверки. И действительно, как и предполагал Линь Цинъюй, за дверью был вовсе не Тан Яньцин, а мрачная Кухарка с кухонным тесаком в руках. Ее глаза были широко раскрыты, она впиалась взглядом в дерево, пытаясь прорваться внутрь.

— Если у тебя противный голос, не комплексуй, зачем же подражать другим? Я собираюсь спать, спасибо за ночное представление, спокойной ночи.

Произнеся последние слова, Линь Цинъюй действительно спокойно уснул. Кухарка за дверью, ничего не подозревая, все еще стояла там, пытаясь выманить его наружу. Лишь спустя полчаса она поняла, что что-то идет не так, и в ярости принялась дергать ручку, но все было тщетно.

В это же время тот самый парень, которому не хватило места, лежа в своей комнате, отчетливо услышал стук в дверь и мягкий девичий голос.

<http://bllate.org/book/20571/2055514>